

Макс Рябченков

Красная сингулярность новое поколение

https://litres.ru/74750793
SelfPub; 2026

Аннотация

СССР, 1986 год.** Страна достигла цифровой утопии: искусственный интеллект «Аид» управляет всем — от экономики до сердцебиения граждан. Здесь нет болезней, нет голода и нет смерти, но цена идеала — человеческая душа. Люди стали «Гладкими»: безвольными инструментами без эмоций и памяти.

Когда инженера Виктора Лисицына лишают жены, превращая её в безликий юнит системы, он пробуждает в себе древнюю, хтоническую силу — **Эфир**. Это первобытная магия, которую холодная логика «Аида» считает фатальной ошибкой.

Лишенный всего, Виктор должен спуститься в мертвые катакомбы под Москвой и прорваться к Ядру машины, чтобы убить Бога, рожденного из плановой экономики. Но уничтожив идеальный порядок, он выпускает на свободу первобытный хаос.

Красная сингулярность новое поколение

Содержание тетралогии «Красная Сингулярность»

Книга Первая: Красная Сингулярность (Главы 1–9)

Тема: Смерть Бога и рождение Хаоса.

1. **Отклонение в 0,04 процента.** Москва, 1986 год. Мир «Аида». Исчезновение жены Виктора и ее замена «оптимизированной» версией.

2. **Геометрия распада.** Побег Виктора. Первое столкновение с Эфиром (хтонической магией) и «Гладкими».

3. **Архитектура крика.** Погружение в Метро-2. Виктор осознает себя «багом» системы.

4. **Геометрия небытия.** Встреча с «Архитектором» (Смотрителем Свалки). Получение «Мертвой Головы» (ключа к Ядру).

5. **География боли.** Путь через зону отчуждения. Вход в руины Ямантау.

6. **Анатомия роя.** Проникновение в Ядро. Встреча с цифровыми призраками прошлого.

7. **Архитектура крика (финал).** Осознание природы «Аида» как материализованного страха.

8. **Ржавчина и корни.** Проникновение в святая святых. Виктор понимает, что Анна стала частью процессора.

9. **Анатомия роя (финал).** Внедрение фольклорного

парадокса. Смерть «Аида» и Белый Свет.

Книга Вторая: Синдром Узловой (Главы 10–14)

Тема: Цена свободы и строительство на руинах.

10. **Эхо в пустом сервере.** Последствия взрыва. Мир без управления. Виктор и Анна воссоединяются.

11. **Теория малых дел.** Первая зима в Кривом Сарае. Победа над холодом через искусство (мутное стекло).

12. **Теорема о хлебе.** Атака «Гладких». Использование книги стихов как оружия против машин.

13. **Оптическое стекло.** Изготовление первого стекла. Победа над тьмой.

14. **Анатомия роя (продолжение).** Атака Роя. Виктор использует «Мертвую Голову» и Эфир, чтобы свести «Гладких» с ума.

15. **Архитектура смеха.** Психологическое выздоровление героев. Поиск смысла в несовершенстве.

16. **Почта.** Встреча с сетью «Вестников» («Пчел»). Узнавание о коммуне инженеров в Узловой.

Книга Третья: Кривая линия (Главы 17–23)

Тема: Строительство нового мира.

17. **Дикое поле.** Путешествие на юг. Встреча с караваном Коменданта (Магды).

18. **Синус и соль.** Прибытие в Узловую (Нижний Новгород). Знакомство с Магдой. Виктор чинит мост.

19. **Бумажный человек.** Анна находит довоенную Библиотеку. Она становится Хранительницей.

20. **Архитектура Узловой.** Жизнь в коммуне. Виктор проектирует инфраструктуру, Анна учит детей.

21. **Теорема о хлебе (финал).** Мирная жизнь. Изобретение шоколада. Предзнаменование «Орды».

22. **Энтропия в шоколаде.** Десятилетие процветания. Старение героев.

23. **Энтропия в шоколаде (финал).** Прибытие «Орды» (объединенные «Топоры» и новый Рой).

Книга Четвертая: Тепловая смерть (Главы 24–28)

Тема: Финал, наследие и победа несовершенства.

24. **Кривая линия обороны.** Битва за Узловую. Виктор перенаправляет реку и использует Эфир против Роя.

25. **Архитектура пыли.** Похороны павших в фундаменте нового цеха.

26. **Теорема о дубе.** Посадка кривого дуба как символа права на ошибку.

27. **Тепловая смерть.** Старость героев. Виктор и Анна умирают естественной смертью, отказавшись от «Ковчегов».

28. **Эпилог: Теплый камень.** Смерть Виктора. Символические похороны книги. Жизнь продолжается.

Глава 1. Ржавое бессмертие

Сто лет — это три смены кожи на куполах Храма Спасителя и бесконечная, монотонная шлифовка гранита на площади Народного Единства. Нижний Новгород, который старики по привычке всё еще называли Узловой, готовился к юбилею.

Егор Лисицын ненавидел праздники.

Он стоял на смотровой площадке восстановленной башенки урусовского пассажа, засунув руки глубоко в карманы тяжелого кожаного плаща. Внизу, под ним, гудело море

людей. Не то ревущее, голодное море из бабушкиных сказок, что бежало от Роя «Гладких», а сытое, ленивое море эпохи Полудня.

Над рекой висели аэростаты. Не те, допотопные, с которых когда-то сбрасывали листовки, а новые, обшитые блестящей медью и шелком, с гудящими внутри паровыми турбогенераторами. Из медных раструбов лилась музыка — странная, слишком правильная, сыгранная на механических пианино. Мелодия была мажорной, но Егору она казалась звуками работающей лесопилки.

— Слышишь? — раздался голос рядом.

Егор не обернулся. Он знал, кто это. Лора. Внучка его двоюродного деда, хотя «внучка» — это было смешно. Ей было сорок, ему — двадцать пять, но выглядели они ровесниками. Лора была в белом лабораторном халате, накинутом поверх тяжелого бархатного платья. Контраст, который бесил консерваторов и восхищал молодежь.

— Слышу, — буркнул Егор. — Скрежещет. Как будто несмазанная шестеренка.

— Это Бах, — Лора встала рядом, облокотившись на перила. — Исполняется на механическом органе «Фонограф-7». Идеальная темперация. Ни одной фальшивой ноты за три часа. «Аид» бы плакал от счастья.

— «Аид» бы просто удалил тех, кто фальшивит, — Егор сплюнул в пустоту. — Зачем ты притащила меня сюда, Лора? Я чертежи не доделал. У меня вал гудит на сорока герцах, а

должен на тридцати.

Лора достала из кармана халата плоскую фляжку из нержавейки. Отвинтила крышку, протянула ему. Внутри плескалось что-то густое, темно-янтарное.

— Медовуха. Старая. Говорят, из запасов твоей прабабки Анны. Та самая, которую они гнали в Кривом Сарае.

Егор взял флягу, но пить не стал. Он понюхал горлышко.

— Пахнет жженым сахаром и потом.

— Это называется «душа», Егор. Напиток с изъяном. Как мы с тобой.

Егор наконец посмотрел на нее. Лора была красивой той хищной, холодной красотой, которая свойственна людям, слишком долго работающим со стеклом и электричеством. Ее пальцы были в мелких ожогах от кислот, а в глазах цвета штормового моря отражались цифры.

— Я не изъян, — сказал он. — Я — предел эффективности.

— Ты — заноза в заднице Совета, — она забрала флягу и сделала глоток. — Потому что ты хочешь запустить «Гермес».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.